

III. «ИЗ ПАТКУЛЯ»

Стихотворение «Из Паткуля», оставленное без комментария в последнем издании сочинений поэта, ранее комментировалось следующим образом: «Паткуль — вероятно тот юноша, смерти которого посвящено стихотворение Д. Сушкова (брата Е. Ростопчиной) „На смерть юноши. (Памяти В. В. Паткуля)“ в сборнике „Стихотворения“ СПб., 1858 г., стр. 117. Это стихотворение начинается строфой:

Свершилось... Нет его. Угас он безмятежно
Вдали от родины, среди земли чужой,
И только дружбою оплакан ты здесь нежно,
О, Воля, милый мой!» (I, 491).

Этот комментарий только препятствовал установлению подлинного значения этого стихотворения, которое составляет одно из интереснейших звеньев в цикле свободолюбивых и патриотических произведений Лермонтова. Между тем еще в комментариях к академическому собранию сочинений Лермонтова под редакцией Д. И. Абрамовича¹ было сделано краткое указание на И.-Р. Паткуля, генерала и посланника Петра I, изображенного И. И. Лажечниковым в романе «Последний Новик». Это справедливое указание нуждается, однако, в некотором уточнении, так как остается неясным непосредственный источник лермонтовского стихотворения, определивший заглавие («Из Паткуля»), а также мотив, вызвавший к жизни и обусловивший высокий гражданский пафос этого произведения.

Иоганн-Рейнгольд Паткуль (1660—1707) — лифляндский политический деятель, возглавивший борьбу против шведского господства в Прибалтике, был приговорен Карлом XI к смертной казни, которой ему удалось избежать, скрывшись в Швейцарию. В 1702 г. он перешел на службу к Петру I, в котором видел могущественного противника нового шведского короля Карла XII, и стал одним из самых активных организаторов антишведской коалиции. Будучи посланником Петра при дворе его союзника, польского короля Августа II, он был выдан последним Карлу XII, потребовавшему его голову в качестве одного из условий заключения мира с Польшей. Паткуль был колесован и затем четвертован по приговору Карла.

Источниками знакомства Лермонтова с личностью Паткуля могли послужить сочинения как исторического, так и художественного характера. Из исторических сочинений можно назвать хотя бы «Деяния Петра Великого» И. Голикова и вольтеровскую историю Карла XII и Петра I. Кроме того, имелось более полутора десятков книг и статей XVIII—начала XIX вв., на английском и немецком языках, содержащих материалы о жизни и деятельности Паткуля, но вероятность знакомства с ними Лермонтова сомнительна.

Источником литературно-художественного характера, без сомнения, являлся роман Лажечникова «Последний Новик». Первая и вторая части этого романа вышли в свет летом 1831 г. (в мае и августе). В «Московских ведомостях» от 5 августа, в разделе «О российских книгах» сообщалось, что в университетской лавке А. С. Ширяева можно получить первую и вторую части «Последнего Новика» и подписной билет на третью часть. Таким образом Лермонтов имел возможность познакомиться с ними до написания стихотворения (осень 1831 г.). Более того, еще задолго до появления романа, 7 января 1831 г., в «Московских ведомостях», в объявлении о подписке на «Последний Новик», было довольно подробно изложено содержание этого произведения и названы действующие лица. В августе

и сентябре появились рецензии на роман в печати². Все это не могло не привлечь внимания Лермонтова к произведению Лажечникова. Даже в том случае, если бы отсутствовало прямое упоминание о его герое в романе «Княгиня Лиговская» (V, 140), мы могли бы с уверенностью сказать, что Лермонтов не мог пройти мимо этого литературного события.

Лажечников уделил Паткулю исключительно большое внимание, хотя он и не является главным героем романа. Рецензент «Телескопа» даже упрекает писателя за то, что его произведение — «собственно картина не русской, а лифляндской жизни в эпоху Петрову»³. Из всего сказанного как будто напрашивается вывод, что именно «Последний Новик» непосредственно вызвал лермонтовский поэтический отклик. (Хотя Д. И. Абрамович и не утверждал этого определенно в своем комментарии к стихотворению Лермонтова, но, повидимому, склонялся к такому заключению.)

Однако это не так. Уже само заглавие стихотворения заставляет предположить существование еще одного источника знакомства поэта с личностью Паткуля; оно говорит о чем-то написанном самим Паткулем и прочитанном Лермонтовым в связи с интересом, возбужденным романом Лажечникова.

Таким источником могли быть собственные письма Паткуля 1705—1707 гг., написанные в крепости, в ожидании казни. Они были изданы в 1806 г., в Москве, в университетской типографии, под заглавием: «Письма несчастного графа Ивана Рейнольда Паткуля, полковнца и посланника российского императора Петра Великого». Наряду с письмами Паткуля, сюда вошли письма к нему различных лиц (в том числе и Петра I), а также интересные исторические документы, приложенные к письмам его невесты Софьи Эйсиендель. На титульном листе книжки, вместо эпиграфа, напечатано: «*Quel homme osera refuser des couronnes à sa cendre!*»* На фронтисписе помещен гравированный портрет Паткуля.

В годы борьбы России с наполеоновской Францией тема патриотического долга приобретала особую остроту. В этом плане привлекалось внимание и к различному историческому материалу. Этим и объясняется издание писем Паткуля. Тогда же был издан, например, ряд книг о Суворове и его сочинение «Наука побеждать», «Письма о любви к отечеству», «Общественный человек, или наставление об отечестве», предпринято издание «Истории осемнадцатого столетия» в нескольких частях и т. п.

Для советского читателя, располагающего многочисленными документами по истории России в эту эпоху, личность Паткуля, без сомнения, представляется далеко не в том виде, в каком она представлялась читателю первой трети XIX в. Борьба Паткуля против шведского господства в Лифляндии выражала чаяния отнюдь не широких народных масс, а ливонской феодальной аристократии. Являясь вожаком баронской антишведской фронды, Паткуль, как и его соратники, мечтал о превращении Лифляндии в олигархическую дворянскую республику, объединенную личной унией с Польшей⁴. Политическая деятельность Паткуля не была чужда макиавеллизму. В его облике было много непривлекательных черт. Со всем тем это была незаурядная личность по своеобразию своего характера и богатой событиями трагической судьбе. Паткуль отличался увлекательным даром слова, «говорил громче всех и лучше всех против обид и притеснений», как писал о нем С. М. Соловьев⁵. Пылкость права находила выражение и в его энергичном красноречии, в котором искренние убеждения и чисто-демагогическая фразеология сплетались воедино. Этот факт нужно учесть для понимания того

* Кто посмеет отказать в лаврах моему праху (франц.).

эффекта, который должны были произвести его письма, написанные к тому же незадолго до казни и отразившие необычайное душевное напряжение.

При чтении этих писем возникает образ несомненно сильно идеализированный, но ведь для нас важен в данном случае не подлинный облик Паткуля, а тот, который возникал в сознании Лермонтова. Паткуль с пафосом говорил о том, что он «свято хранил долг свой и жертвовал всем для блага отечества»⁶. В предсмертном письме он выражал желание; «чтоб Великий Петр наслаждался вечно плодами побед своих и трудов;

П И С Ь М А
НЕЩАСТНОГО
ГРА Ф А
ИВАНА РЕЙНОЛЬДА ПАТКУЛЯ,
Полководца и Посланника
РОССИЙСКАГО ИМПЕРАТОРА
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Переводъ съ Французскаго.

Ч А С Т Ь I.

„Quel homme osera refuser des couronnes
à ma tendre!“

МОСКВА, 1806.

Въ Университетской Типографіи.

«ПИСЬМА НЕЩАСТНОГО ГРАФА ИВАНА РЕЙНОЛЬДА ПАТКУЛЯ», ИЗД. 1806 г.
Титульный лист и фронтиспис книги

чтоб он был счастливейшим из государей, а подданные его непобедимейшими в свете!»⁷. Все это не могло не импонировать патриотическому настроению русского читателя середины десятых годов, когда были изданы эти письма, и патриотическому чувству юноши-Лермонтова в начале тридцатых годов. Тем более, что письма Паткуля ни в чем не противоречили представлению об их авторе, представлению, почерпнутому из тех исторических источников, которые мы называли выше, и в которых подчеркивался именно патриотизм Паткуля. Так, например, Голиков прямо присоединяется к мнению Вольтера, говоря, что «всё преступление злополучного Паткуля состояло в том, что он исполнял ревностно самые главнейшие должности гражданина в защищении прав отечества своего»⁸. Ревностным патриотом, становящимся в трагическое противоречие с отечеством, представил Паткуля и Лажечников, романтизовавший его образ.

Лермонтова особенно должен был поразить драматизм судьбы Паткуля, нашедший яркое отражение в его письмах. Паткуль пишет

незадолго до казни о том, что «с веселием» войдет в «жилище мертвых», где увидит «тысячи героев, умерщвленных за то, что осмелились защищать свое отечество против тиранов и их дерзких министров»⁹. Говоря о великих «тенях», Паткуль называет имя казненного по приговору афинского государства Сократа, который учил, что «отечество почтеннее и матери, и отца, и всех предков».

Образ, возникавший в сознании поэта при чтении писем Паткуля, во многом должен был оказаться созвучным лермонтовским думам и чувствам 1830—1832 гг., то есть того периода, когда от раннего романтизма он перешел к ярко выраженным гражданским и патриотическим мотивам.

С одной стороны, «предсказание» народной революции в России и критика крепостнического барства («Странный человек»), с другой, — поэтизация русской истории, дающей примеры героической борьбы за независимость родного края («Последний сын вольности», «Новгород», «Поле Бородина», планы поэмы о Мстиславе Черном), и, наконец, неоднократно варьируемые лирические темы подвига и гибели за благо отчизны — таков тот творческий контекст, в который органически включается стихотворение «Из Паткуля».

Будучи должным образом осмыслено, оно представляет собою прекрасный материал для характеристики патриотизма юного поэта. В данном случае именно комментарий может сыграть значительную роль, раскрыв подтекст, который скрыт за восемью строчками этого стихотворения.

Хоть ровны судьбою, мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.

Каков смысл этого двустипхия? Письма Паткуля вплотную подводят к ответу на этот вопрос. Лермонтову не могли не импонировать строки, говорящие о ненависти к деспотизму и о борьбе против него. «Человек рожден свободным», «жестокость и самовластие не могут долго быть терпимы», «ужасные эти источники, соединяясь <...> возбуждают чувство свободы в сердцах угнетенных», — читаем мы у Паткуля¹⁰. В письме к Августу II, предавшему его в руки Карла, он напоминает этому трусливому человеку, что он, Паткуль, старался сделать Августа любимым своими подданными тем, что внушал ему правила справедливости: «ты часто говаривал сам: „не участь знатных трогает меня, но бедных земледельцев, которые <...> приносят к ногам моим подать; она запечатлена их кровавым потом и слезами, которые я хочу стереть“». Какое прекрасное наставление для государей! Кто внушил тебе такие благородные, великодушные правила, достойные престола? Паткуль»¹¹. Эти строки не могли не показаться созвучными автору драмы «Странный человек», герой которой предает проклятью счастье и богатство крепостников-помещиков, купленное «кровавыми слезами». Показательно, что черновой автограф стихотворения «Из Паткуля» находится на обороте последнего листа рукописи, содержащей беловой текст драмы¹². Это соседство и дает в руки комментатора материал для осмысления лермонтовского стихотворения.

Вспомним, что герой Лермонтова, «странный человек» Арбенин преследуем злобной клеветой светского общества. В конце драмы настойчиво звучит лирическая тема, выраженная в поэтических обращениях Арбенина к Загорскиной, которую он мучительно спрашивает: будет ли она «его защитой» после его гибели или изгнания, когда ядовитая насмешка (вариант: ядовитая злоба) постарается очернить его память. Эти стихи представляют собою варианты лермонтовской темы о трагической гибели героя, восставшего против законов общества. Стихотворение «Когда одни

воспоминанья...» варьирует тему «Из Андрея Шенъе» и стихотворения, начинающегося строками:

Настанет день — и миром осужденный,
Чужой в родном краю,
На месте казни — гордый, хоть презренный,
Я кончу жизнь мою.

В черновой автограф драмы поэт включил свой «Романс к И...», варьирующий его обращение «К ***» («Когда твой друг с пророческой тоскою...»), где звучит тема «позорной» смерти героя на плахе (I, 170, 240, 312; IV, 235, 506).

Совершенно очевидно, что Лермонтову, только что окончившему и набело переписавшему драму, должна была оказаться созвучной тема предсмертных писем Паткуля, в которых тот настойчиво просил своих друзей защитить его память от злобной клеветы врагов. Паткуль писал: «Я страшусь только того, чтобы злоба и мщенье не преследовали меня за пределами гроба. Гонимый клеветою всю жизнь свою, могу ли надеяться, что она пощадит меня по смерти <...> Поставь бога в свидетели моей добродетели: скажи всем, что Паткуль жил бесспорно и умер невинным»; «Я стою теперь на краю гроба; я близок к той минуте, когда самый отважный дух, несмотря на невинность свою, содрогается. Скоро окончится жизнь моя, и тогда враги мои, стараясь оправдаться перед светом, будут очернять меня <...> именем дружества заклиная тебя, защити Паткуля»¹³. В самых последних строках, оставшихся недописанными, так как они были оборваны казнию, Паткуль обращался к «высочайшему существу», прося, как о милости, чтобы потомство узнало его невинность и почтило его прах.

Стихотворение «Из Паткуля» является непосредственным откликом поэта на эти письма:

Напрасна врагов ядовитая злоба,
Рассудят нас бог и преданья людей;
Хоть розны судьбою, мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.
Пушай я погибну... близ сумрака гроба
Не ведая страха, не зная щелей.
Мой дух возлетает все выше и выше
И вьется, как дым над железною крышей! (I, 237).

Мы видим, что Лермонтов своеобразно переплавляет мотивы последних писем Паткуля (злоба, враги, гроб, дух, бог), но сообщает им более мажорное, оптимистическое звучание. Опасениям, сомнениям Паткуля противостоит лермонтовское энергичное утверждение; если Паткуль «страхится», чтобы злоба врагов не преследовала его память и обращается к людям и к богу с просьбами защитить ее от клеветы, Лермонтов говорит твердо и уверенно, что «ядовитая злоба» врагов напрасна перед судом бога и людей. Если Паткуль говорит о том, что, стоя «на краю гроба», он близок к минуте, когда «самый отважный дух <...> содрогается», Лермонтов выражает бестрепетную решимость погибнуть, не испытывая страха «близ сумрака гроба», и говорит о том, что его дух «возлетает все выше и выше».

Своеобразие лермонтовского стихотворения состоит в том, что его лирическая тема не просто навеяна определенным литературным источником или определенной поэтической традицией (как, например, стихотворение «Из Андрея Шенъе»). Лермонтов не просто развивает мотивы писем Паткуля, совпавшие с его собственными настроениями, он не становится на

место Паткуля, не подменяет его собою, не говорит якобы от его имени, как это обычно бывает в стихотворениях, носящих аналогичное заглавие; поэт ставит себя мысленно рядом с Паткулем, сопоставляет себя с ним; указывая на «розность» их личных судеб, подчеркивает общее, как ему кажется, — борьбу «за счастье и славу отчизны своей» — и высказывает твердость духа и решимость бороться до конца.

Эти строки, будучи написаны в непосредственном соседстве с драмой «Странный человек» и являясь своего рода поэтической концовкой этой рукописной тетради, приобретают тем самым особое значение. Поэт противопоставляет светскому обществу, обществу крепостников-помещиков, торгующих людьми, обществу, которое является в его глазах «собранием людей — бесчувственных, самолюбивых в высшей степени и полных зависти к тем, в душе которых сохраняется хоть малейшая искра небесного огня!..» (из предисловия к драме — IV, 183). И свое обличение этого общества он расценивает как патриотический долг, как борьбу за счастье отчизны.

Бросается в глаза мужественный оптимизм стихотворения «Из Паткуля»; заметно отличающий его от аналогичных по мотивам стихотворений, в которых тема жертвенного подвига и казни, ожидающей героя, звучит несравненно печальнее. Быть может, тот факт, что в глазах современников Лермонтова Паткуль оказался оправданным (хотя бы романом Лажечникова или его письмами), определил бодрый, уверенный тон лермонтовских строк.

Итак, творческая история лермонтовского стихотворения представляется нам в следующем виде. Вскоре по окончании драмы «Странный человек» (законченной 17 июля 1831 г.) внимание поэта было привлечено романом «Последний Новик» (вышедшим в августе 1831 г.), который возбудил его интерес к романтизированному Лажечниковым образу Паткуля. Этот интерес привел его к письмам Паткуля (их он мог найти в той же университетской книжной лавке, где продавался роман). Видимо, сразу же по прочтении писем, в особенности под впечатлением последнего из них, оборванного казнию (обращение к богу с просьбой о защите в глазах потомства), Лермонтов и написал свое стихотворение.

Н. Люб о в и ч

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ М. Лермонтов. Полн. собр. соч. Подред. и с прим. Д. И. Абрамовича, т. I. СПб., 1910, стр. 406—407.

² «Северная пчела», 1831, №№ 109 и 196; «Северный Меркурий», 1831, № 62; «Телескоп», 1831, № 16.

³ «Телескоп», 1831, № 16, стр. 511.

⁴ Я. З у т и с. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946, стр. 43, 49 и др.

⁵ С. С о л о в ь е в. История России, т. XIV. СПб., б. г., стр. 1236.

⁶ «Письма несчастного графа Ивана Рейнольда Паткуля...», ч. I. М., 1806, стр. 132.

⁷ Там же, ч. II, стр. 91.

⁸ И. Г о л и к о в. Деяния Петра Великого, т. II. СПб., 1837, стр. 265.

⁹ «Письма... Паткуля», ч. II, М., 1806, стр. 82.

¹⁰ Там же, ч. I, стр. 30.

¹¹ Там же, стр. 7.

¹² Т. И в а н о в а. Москва в жизни и творчестве Лермонтова. М., 1950, стр. 41.

¹³ «Письма... Паткуля», ч. II, стр. 60—61, 53—54. Любопытен отзыв о книге шведского пастора Бергмана, присутствовавшего при казни Паткуля, в «Вестнике Европы» 1806 г. под названием «Паткуль перед судом потомства» (№ 21, стр. 3—24). Возможно, что эта статья была известна Лермонтову. Она содержала подробности о жизни Паткуля, в частности, в ней было указание на то, что в обвинении, прочитанном перед эшафотом, Паткуль назывался «предателем отечества». Центральная мысль статьи заключалась в том, что «беспристрастное потомство» будет жалеть, но не извинит Паткуля, так как он «отважился на такие проступки, которых извинить нельзя: «рассеивал мятеж словами, сочинениями, поведением».